

5 — Во субботу день ненастный... нельзя в поле работать... — звучит старая русская песня. Поет ее мать над постелью тяжело раненного сына. Сквозь темную пелену забывтья пробивает себе путь к сознанию умирающего человека, знакомая ему с детства, простая мелодия... И он начинает понимать, что рядом с ним мать, он чувствует тепло ее верной руки, он уже не один в своей борьбе со смертью — всю силу материнской любви вкладывает в эту борьбу та, что дала ему жизнь.

Простой и трогательный образ матери создала Ксения Ивановна Кривская, исполнявшая роль Екатерины Ивановны в пьесе А. Анфиногенова «Мать своих детей».

Этот спектакль шел в прошлом театральном сезоне. Тогда Ксении Ивановне еще не было присвоено высокое звание заслуженной артистки РСФСР. Указ Президиума Верховного Совета РСФСР был опубликован несколькими месяцами позднее. Но Кривскую по праву можно назвать любимейшей актрисой тюменских зрителей, и она является ею все пятнадцать лет работы в нашем областном драматическом театре.

Для К. И. Кривской характерен непрекращающийся творческий рост. От роли к роли, от образа к образу, Ксения Ивановна обогащает, совершенствует свою игру, находит новые сценические приемы, новые средства для выражения человеческих чувств сильно, ярко, впечатляюще. У Кривской есть чему поучиться молодым, и прежде всего, — трудолюбия.

Идут репетиции спектакля, в которых Ксения Ивановна не занята. Тому, кто видел ее в эти периоды вынужденного отдыха, она покажется человеком раздражительным, словно что-то потерявшим. И ей действительно не хватает в такие дни главного для творческой жизни — роли, образа, над которым можно было бы подумать, увидеть себя в нем, на сотни ладов

«ТЮМЕНСКАЯ ПРАВДА»

2 стр. 14 сентября 1955 г.

А к т р и с а

произнести одну и ту же реплику, чтобы, наконец, найти самое верное выражение, точно определяющее замысел автора, который он вложил в эти слова. Но вот роль получена — и Ксения Ивановна обретает обычную для нее жизнерадостность, глаза ее блещут, голос звучит бодро, вся она словно наэлектризована.

А сколько творческих волнений приносит каждая работа над образом!

— Мне пришлось играть роль Надежды Константиновны Крупской, — вспоминает артистка, — роль очень маленькую. Надежда Константиновна стоит у постели больного Ильича и ждет, каким будет заключение врачей. Такая женщина, как Крупская, умеет владеть собой, решила я. Но какая же деталь должна дать понять о ее сильном душевном волнении? Какая? И я нашла эту деталь. Внешне лицо Крупской спокойно, она держится прямо, она мужественно ждет исхода и

только рука ее, лежащая на спинке кровати, трепетно вздрагивает... Вот

этот нервный трепет руки и был выражением ее глубоко запрятанного чувства.

Сорок семь лет на сцене, почти полвека! Какаа огромная школа жизни, какое накопление опыта, знаний, наблюдений, столь необходимых актрисе.

Свое призвание Ксения Ивановна почувствовала очень рано. Дети решили поставить домашний спектакль, выбрали комическую пьесу: «Жестокий доктор». Роль доктора играла маленькая Ксения, так как мальчиков в самодеятельном коллективе не хватало. Ей очень понравилась эта увлекательная игра: быть не тем, что ты есть на самом деле, изображать чувства и поступки другого человека.

Шли годы. Но мысль о сцене не оставляла Ксению Ивановну. Днем она училась в гимназии, а вечером для нее начиналась иная жизнь. Ксения Кривская посещала частные драматические курсы режиссера Долинова. Впрочем, нужно было думать не только об учебе, но и о куске хлеба, так как семья жила бедно. И Ксения Кривская, не бросая ни гимназии, ни курсов, поступила в одну из редакций Одессы подчинителем. Тогда эта должность называлась «чтица». Такой, почти непрерывный, труд мог вынести только молодой, сильный человек, верящий в свое призвание и выбравший свой жизненный удел раз и навсегда.

Из Одессы, где прошли детство и первые годы юности, Ксения Ивановна едет в Оренбург. У нее первый контракт с театром. Оренбург — губернский город, и для молодой актрисы поступление в его театр — это большая удача.

— Ну, что мне приходилось там играть? — говорит Ксения Ивановна, — главным образом роли живых, веселых субреток. В то время в большой моде были родевилы и фарсы. Конечно, мечталось о других, более серьезных ролях, но ничего не поделаешь, таков был репертуар этого театра, поставившего своей целью «ра-

звлекать публику». Впрочем роли эти приносили мне известную пользу. Они требовали от актрисы определенного темпа игры, находчивости, воображения, наконец, научили меня держаться на сцене просто, непринужденно.

Владимир, Сумы, Одесса, Калуга, Гомель, Полтава, Астрахань, Тбилиси — вот далеко неполный перечень городов, в театрах которых пришлось играть Ксении Ивановне Кривской.

Театр сменялся театром, роль ролью, но зритель был все тот же, за исключением студенчества и лучшей части русской интеллигенции. — в театр шли обеспеченные, сытые люди с тем, чтобы развлечься, посмеяться над пошлой остротой, проследить за дешевой эффектностью в сверхчувствительной мелодраме.

Великая Октябрьская социалистическая революция открыла двери храма искусства для широких народных масс. Новые люди заполнили партер и ложи театров. Они приходили сюда, опаленные пламенем недавних боев, и в их внимании к тому, что делалось на сцене, были и почти детский восторг и суровая требовательность человека, от которого веками скрывали источники знаний, неисчислимые богатства человеческого разума.

С огромным душевным подъемом играла Ксения Ивановна перед этим новым хозяином страны свои лучшие роли: Варвару в «Грозе» А. Н. Островского, невесту в «Женитьбе» Н. В. Гоголя, Варвару в одной из первых советских пьес «Черные вороны», разоблачающей сектантство.

В театре было холодно, зрители сидели в шубах и шапках, и, сбрасывая с себя пальто перед выходом на сцену, актриса зябко поводила плечами. Но это были первые годы молодости нашей страны. И твердо верилось в то, что те, кто сейчас так внимательно следит за игрой актеров, сумеют покончить и с разрухой, и с голодом. Ведь каждый из них — создатель, творец, и если раньше он строил для других, то какую же светлую и прекрасную жизнь он создаст для себя, для своих детей! Эта уверенность бодрила и согревала.

...Восемь часов вечера. В большие светлые залы Тюменского драматического

театра входят по-праздничному одетые люди. Строгие костюмы мужчин хорошо гармонируют с нарядными платьями женщин — бирюзовыми, цвета спелой вишни, осенних листьев... Пахнут духами. Шумят оживленные голоса. Но скоро начало. Вот уже в зрительном зале погас свет, вот уже скоро раздвинется тяжелый бархатный занавес...

— Сегодня у нас целевой спектакль, — говорит администратор.

В театре — рабочие судостроительного завода, а может быть сетевязальной фабрики... Проще говоря, в театре дети и внуки тех, кто более тридцати лет назад завоевал право для всего народа на настоящее большое человеческое счастье, кто преодолел разруху и голод, построил новые жилища, театры, школы, построил новую жизнь. И перед новым поколением строителей светлого будущего с тем же увлечением, что и прежде, выступает актриса Кривская.

Но Ксению Ивановну хорошо знают не только жители Тюмени. Этим летом артисты нашего областного драматического театра после гастролей в Кургане побывали в ряде сел Тюменской области и встретили там самый радужный прием.

В небольшие сельские клубы народу приходило столько, что люди заполняли зал вплоть до самой сцены. Так было и в одном вновь открывшемся сельском клубе Ишимского района.

— Мы просто не знали, сумеем ли начать спектакль, так шумно и уж очень тесно было в зале, — говорит Ксения Ивановна, — но вот поднялся занавес, и сразу же воцарилась такая тишина, что, кажется, муха пролетит — будет слышно. Наш чудесный сельский зритель верно и живо реагировал на все то, что происходило на сцене. А мы, актеры, черпали свое творческое вдохновение в его внимании и играли в особенно приподнятом настроении. В антракты мы, исполнители, выходили подышать свежим воздухом. Огромного скопления людей в зале было жарко и душно. Но наши зрители терпеливо просидели два с половиной часа, не двигаясь с места. А как мы были тронуты, когда после окончания спектакля две

молоденькие девушки поднесли нам огромные букеты полевых цветов! И с такой сердечностью нас принимали во всех колхозах.

Ксения Ивановна сейчас отдыхает, набирается сил перед началом нового сезона. Но ее уже снова охватывает знакомое чувство жажды любимого дела.

— Я хочу в театр, я уже отдохнула... Ну, сколько же можно? — говорит она с таким выражением, с каким люди, после долгой разлуки с родными местами, говорят: я хочу домой!

Убеленная сединами голова, отяжелевшая фигура, морщинки у веселых умных глаз, — это все неизбежная дань времени. Но сколько в этой женщине еще поистине молодого задора! Ксения Ивановна принадлежит к тем людям, которые не стареют душой, — запас энергии, жизнелюбия и оптимизма у нее огромен.

— У меня близких родных нет. На моем веку было много невозвратимых потерь — муж, сестры, но я никогда не чувствую себя одинокой, — говорит она, — театр — мой дом, актерский коллектив — моя семья, работа — мое счастье.

И в дни, когда заслуги Ксении Ивановны были отмечены правительством, она переживала свою радость не одна. В ее маленькой комнате некуда уже было ставить букеты цветов, которые вместе с сердечными поздравлениями приносили товарищи по сцене, товарищи по общественной работе (Ксения Ивановна депутат Тюменского городского Совета), благодарные зрители.

Партия и правительство высоко оценивают людей труда. И мы с одинаковым чувством искренней радости и уважения жмем руки — товарищу-новатору, достигшему успехов в своем мастерстве, строителю, умеющему строить быстро и прочно, комбайнеру, убравшему тысячи гектаров хлеба, учителю, отдавшему свои силы на воспитание молодого поколения, врачу, спасающему жизнь человека и актрисе, умеющей своей игрой затрагивать и пробуждать в наших сердцах самые лучшие, самые благородные чувства, вдохновляющие на большой труд и подвиг во имя Родины.

В. СЕРГЕЕВА.